

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Биобиблиографический
словарь

М-Я

2

К-2
С 5107-2а

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Биобиблиографический
словарь

М-Я

2

Под редакцией
П. А. НИКОЛАЕВА

Москва
«Просвещение»
1990

ник МГУ, серия «Филология». — 1984. — № 6; Она же. П. А. Плетнев — литературный критик // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1985. — № 5.
В. Ю. Проскурина

ПЛЕХА́НОВ, Георгий Валентинович, псевдонимы — *Н. Бельтов*, *А. Курсанов*, *А. Волгин*, *Н. Каменский*, *Н. Андреевич* [29.XI(11.XII). 1856, с. Гудаловка Липецкого у. Тамбовской губ. — 31.V (12.VI). 1918, Питкеарви под Терюоками (Финляндия, ныне г. Зеленогорск Ленинградской обл.), похоронен в Петрограде] — критик, публицист, эстетик. Основатель русского революционного марксизма, деятель русского и международного рабочего социалистического движения. Родился в обедневшей дворянской семье в имении своих родителей. Отец П., Валентин Петрович, штабс-капитан в отставке, был человеком хорошо образованным, с широким кругом чтения и интересов, даже слы «вольтерьянцем». Мать Мария Федоровна, урожденная Белинская, была внучатой племянницей русского критика, преемственную связь с которым П. впоследствии постоянно ощущал. Окончив с отличием Институт благородных девиц, она до замужества была гувернанткой, а после — учила своих детей математике, музыке, русскому и французскому языкам.

По семейной традиции П. вслед за старшими братьями, ставшими офицерами, избрал себе стезю военной службы, поступив в 1868 г. во второй класс Воронежской военной гимназии (кадетский корпус). Военные гимназии того времени по уровню преподавания, учебным планам, атмосфере обучения отличались от других учебных заведений России в лучшую сторону. К числу первоклассных военных гимназий относилась и Воронежская. Среди учителей П. оказались люди талантливые, с передовыми взглядами. Особое место среди них занимал преподаватель словесности Н. Ф. Бунаков, считавший себя последователем Чернышевского и Добролюбова, в дальнейшем получивший всероссийскую известность как педагог.

Уже в гимназии П. глубоко и органично усвоил мысль, ставшую затем его убеждением: истинный художник может, а в периоды подъема общественной активности даже обязан будить и выражать революционные стремления своих современников (см.: Литература и эстетика. — Т. 2. — С. 199). Красноречивым примером, подтверждающим это убеждение, стали для П. судьбы и творчество Некрасова и Чернышевского. П. вспоминал, как под влиянием чтения некрасовской «Железной дороги» один из его гимназических товарищей сказал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова врезались в память П. и вспоминались затем каждый раз, когда он перечитывал Некрасова — любимого поэта (2, 199).

Любовь и признательность П. к Чернышевскому, вынесенная им из стен гимназии, также осветили собой всю сознательную жизнь П., сти-

мулировали его критическую и теоретико-эстетическую деятельность. Показательно, что В. И. Ленин, говоря о двух культурах в каждой национальной культуре, противопоставил «великорусскую культуру Пуришкевичей, Гучковых и Струве» «великорусскую культуру, характеризующуюся именами Чернышевского и Плеханова» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 129), соединив тем самым эти два имени как равновеликие в истории русской демократической культуры.

«Проклятый» вопрос, заданный передовой русской интеллигенцией Чернышевским: «Что делать?» (2, 212), — перевернул жизнь П., начавшуюся, казалось, традиционно для судеб русского дворянства. В декабре 1873 г., через три месяца и одну неделю после своего поступления в Константиновское артиллерийское юнкерское училище в Петербурге, П. подал рапорт об освобождении его от военной службы по состоянию здоровья. И в этом его твердом решении П. не остановили ни недавняя смерть отца (май 1873 г.), ни запущенное состояние имения, ни тяжкий груз долгов, оставшихся после отца. Это был вопрос принципа.

Порвав с дворянской средой, П. избрал классический путь разночинца. Увлечение естествознанием и особенно химией привело П. в Петербургский Горный институт, куда он поступает после серьезной домашней подготовки осенью 1874 г., выдержав конкурсный экзамен по математике и физике. За два года обучения в Горном институте П. продемонстрировал блестящие знания по естественным наукам, выдающиеся способности и настойчивость в стремлении стать ученым-естествоиспытателем. Недолгие занятия естествознанием не пропали даром для П. Впоследствии, отстаивая принципы подлинно «научной эстетики и критики», П. заявлял с полемическим задором, что «она объективна как физика и именно потому чужда всякой метафизики» (1, 581).

Однако, несмотря на интерес к естественным наукам, П. мог сказать о себе теми же словами, какими он позднее характеризовал обобщенные черты разночинца: «...общественные интересы преобладают у него над всеми прочими» (2, 222) («Гл. И. Успенский», 1888).

Логика общественно-политических интересов свела П. с видными революционерами 70 гг. — А. Михайловым, С. Степняком-Кравчинским, С. Перовской. Он вступает в кружок, где впервые знакомится с политической экономией по «Капиталу» К. Маркса, а затем по поручению народнической организации «Земля и воля» сам ведет пропагандистские занятия с рабочими (среди учеников П. были первые русские рабочие-революционеры С. Халтурин и П. Моисеенко). 6 декабря 1876 г. на площади Казанского собора состоялась первая в России открытая политическая демонстрация, душой которой явился П., показавший себя в качестве яркого оратора и бесстрашного

революционера. Несмотря на полицейскую облаву (арестовавшую более тридцати участников демонстрации), П. удалось скрыться. Юному народнику пришлось перейти на нелегальное положение и даже на некоторое время уехать из России (до лета 1877 г.).

Кратковременное пребывание П. за границей принесло свои плоды. Особенно важным в формировании П. как личности оказалось знакомство с П. Л. Лавровым, который способствовал развитию в своем ученике критической мысли. Обращаясь к Лаврову, П. позднее признавался: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях» (Дела и дни.—1921.—К. 2.—С. 86).

Вернувшись в Россию, П. становится активным деятелем революционного народничества. Студенческие сходки и забастовки на фабриках, пропаганда среди заводских и фабричных рабочих Петербурга, публицистические выступления в нелегальной газете «Земля и воля» и «хождение в народ» — везде П. не просто принимает непосредственное участие, но является инициатором, руководителем.

Очень показателен знаменитый «литературный» эпизод революционной деятельности П. 30 декабря 1877 г., на похороны Некрасова, вылившихся в грандиозную политическую демонстрацию, П., представлявший «социалистов» из «Земли и воли» (на венке «землевольцев» так и было написано: «От социалистов»), смело вступил в полемику с самим Ф. М. Достоевским, доказывая, что Некрасов был «выше» Пушкина и Лермонтова и что его поэзия имела революционное значение.

Когда в августе — сентябре 1879 г. произошел раскол «Земли и воли», позиция П. четко определилась. В то время, как сторонники тактики индивидуального террора образуют организацию «Народная воля», П. вместе с оказавшимися в меньшинстве сторонниками пропаганды в деревне создают организацию «Черный передел». Однако П. не удовлетворяет и она: все более отчетливо представляется ему непопулярность, теоретическая несостоятельность этой организации, а вместе с тем — кризис, переживаемый всем движением народничества. Захват полицией в нач. 1880 г. подпольной типографии газеты «Черный передел» поставил П. перед необходимостью, во избежание ареста, немедленно выехать за границу. Он жаждал обрести в Европе новые идеи, новые стимулы для революционной борьбы, новые организационные формы работы с массами. Его вынужденная эмиграция продолжится без малого четыре десятилетия и завершится за год с небольшим до его смерти (П. вернулся в Петроград 31 марта 1917 г.).

Период эмиграции стал для П. огромной жизненной эпохой, принесшей ему много тяжелых

испытаний (безденежье, голод, неизлечимая болезнь русских интеллигентов — чахотка, полицейские преследования властей, постоянные переезды с места на место и т. д.), но и вознаградившей его радостными событиями (всеобщее признание в П. политического вождя; слава литературного критика, философа и публициста; личное знакомство с Ф. Энгельсом, высоко оценившим своего русского ученика; создание рабочей партии — РСДРП как итога революционной деятельности группы «Освобождение труда»; научные открытия П.-ученого в социологии, истории, эстетике). Эмиграция для П., как и для Герцена, явилась и источником его трагедии — личной и общественной одновременно. Отрыв от российской действительности, русского рабочего движения, революционных событий 1905—1907 и 1917 гг. стал одной из причин «меньшевизма» П., трагического непонимания первой русской революции, первой мировой войны как войны империалистической, Октябрьской революции как революции пролетарской и социалистической.

На начало 80 г. приходится становление марксистских убеждений П. и др. чернопеределцев, оказавшихся в эмиграции, — В. И. Засулич, Л. Г. Дейча, П. Б. Аксельрода. Занятия в крупнейших библиотеках Швейцарии и Парижа, посещение секций в Женевском (1880) и Сорбоннском (1881) университетах, чтение многих ранее не известных П. и его товарищам произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомство с революционным движением на Западе произвели настоящий переворот в сознании вчерашних народников. Для П. несомненными становятся: вступление России на путь капитализма; неизбежность политической борьбы и недостаточность одной пропаганды, особенно среди крестьянства; утопичность идеала патриархальной общины; необходимость организации русского рабочего класса и популяризации марксизма в пролетарской среде.

В конце 1881 г. П. впервые знакомится с «Манифестом Коммунистической партии» и переводит его на русский язык. С 1882 г. он считал себя марксистом. В сентябре 1883 г. в Женеве группа русских революционеров-эмигрантов во главе с П. образовала первую организацию русских марксистов, получившую название «Освобождение труда».

В народнический период своей деятельности (1875—1882) П. мало уделял внимания вопросам литературы и искусства (хотя внимательно следил за ходом литературного процесса и критическими дискуссиями). Только одну статью этого времени — «Об чем спор?» (1878) — можно отнести к литературной критике, да и в ней речь идет не столько о творчестве Г. И. Успенского, сколько о социальных реалиях российской действительности, нашедших или не нашедших отражение в нем. Причиной тому — тот самый «лабиринт противоречий», в который поначалу завела

П. и его единомышленников народническая доктрина с ее экономическим утилитаризмом, культом «опрошения» и своеобразно преломленным пафосом идущего еще от Писарева, а затем Ткачева «разрушения эстетики», якобы непонятной, чуждой и даже «оскорбительной» народу. «Разрушение эстетики» исповедовал вначале и П. Овладение марксистской методологией анализа общественных явлений в их историческом развитии позволило П. внутренне «раскрепостить» свое эстетическое и литературно-критическое мышление (до того «втиснутое» в жесткие схемы народнических догм и предрассудков «народолюбия») и открыть в истории отечественной критики ее качественно новый — марксистский — этап.

Осмысление художественно-публицистической деятельности писателей-народников — Г. И. Успенского, С. Каронина (Н. Е. Петропавловского), Н. И. Наумова (статьи соответственно: 1888, 1890 и 1897 гг.) явились первым толчком к преодолению народничества как мировоззрения. Уже в статье «Об чем спор?» П., полемизируя с Г. Успенским, исподволь проникался правотой художника, оказавшегося, как художник-реалист, дальновиднее и глубже самых авторитетных (в глазах П.) теоретиков народничества. «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, — совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь «ко всеобщему благополучию», — писал в 1888 г. П. в статье «Гл. И. Успенский». — Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может, как мы видим, прийти к прямому противоречию с ним» (2, 250). Позднее, в статьях о Л. Толстом, П. разовьет положение о возможности противоречий между теоретическими взглядами писателя и его художественным мышлением: Толстой «велик как художник», а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, то есть о крайней ограниченности его общественных взглядов» (2, 361) («Симптоматическая ошибка», 1907). Подобным же «недугом», связанным с неспособностью «взглянуть на жизнь и нужды окружающего его общества с исторической точки зрения» и «понять исторические задачи своего времени» (2, 363—364), страдали, как это показывает П., Гоголь и Достоевский. Противоречия между теоретическим мирозерцанием писателя и его художественным творчеством в определенных общественных условиях становятся особенно острыми и непримиримыми, считает П., когда они выступают как «перевод» на язык идеологии противоречий самой жизни («Карл Маркс и Лев Толстой», 1911).

Сила художника, его превосходство над мыслителем, считает П., заключается в его непредубежденности реалиста, изображающего и выражающего своим творчеством действительность в ее неповторимой чувственной, образной кон-

кретности. Как только писатель принимается за абстрактные «рассуждения», обращаясь к языку понятий и логическим построениям, он приносит в жертву публицистике свой поэтический талант, а подчас, в отрыве от эмоционально-образной конкретности жизни, дает себя увлечь ложной рассудочной идее, вступающей в кричащее противоречие с жизнью. «Художник — не публицист. Он не рассуждает, а изображает. Тот художник, который изображает классовую борьбу, должен показать нам, как определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою мысли и чувства. Словом, такой художник необходимо должен быть психологом» (2, 406) («К психологии рабочего движения», 1907). В качестве примера такого художнического проникновения в жизненный материал, осмысления и типического его обобщения П. называет пьесу М. Горького «Враги». Художник «поправляет» в себе мыслителя, публициста и убеждает своих читателей в своей правоте как художника лучше, нежели когда обращается к ним непосредственно как публицист. «Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов, Гл. Успенский, — пишет П., — взявшись указать нам «совершенно определенные», «реальные формы народного дела», совсем незаметно для самого себя пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству и всем «программам» и планам практической деятельности, хоть отчасти с ним связанным» (2, 250) («Наши беллетристы-народники, Гл. И. Успенский», 1888). Таково общественное значение искусства: «У художника Горького, у покойного художника Г. И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог. В них — целое откровение» (2, 515) («К психологии рабочего движения»).

В своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) П. пришел к глобальному выводу относительно общественно-культурного назначения искусства: для того чтобы «объяснить весь исторический процесс, последовательно держась одного принципа», особенно же «в вопросах, касающихся развития идеологий», недостаточно одной науки; здесь нужно «обладать особым дарованием, именно художественным чутьем». И далее: «Психология приспосаблиется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представлять себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества. Многому можно поучиться нам и у Ибсена, да и мало ли еще у кого?» (Избр. философ. произв. — Т. I. — С. 684).

Сам П. обладал феноменальным художественным чутьем, а занятия литературно-художественной критикой, эстетикой, со временем занимав-

шие в его жизни и творчестве все большее место, открывали перед П. возможность использовать литературу и искусство в качестве источника и материала научного анализа общественных процессов, развивающихся в социальной действительности. В этом отношении он был продолжателем традиций таких выдающихся русских мыслителей, как Белинский, Гершен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский, в жизни и деятельности которых литература и искусство занимали ведущее место.

В то же время особая «выделенность» литературы и искусства среди других явлений культуры и общественной жизни не означала для П. их «беззаконности» или какой-то исключительности среди других общественных явлений. Главный методологический принцип П. — критика, эстетика, социология искусства материалистический тезис: «...Писатель является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее; ...он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее миросозерцание, привычки, мысли и даже язык...» (2, 221).

В дальнейшем П. последовательно развивал и уточнял этот важный для марксистской критики и эстетики тезис. Так, в работе «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии» (1905), которую сам П. называл «попыткой применения материалистического метода к истории литературы и искусства» (1, 601), он писал: «В произведениях искусства и в литературных вкусах данного времени выражается общественная психология, а в психологии общества, разделенного на классы, многое останется для нас непонятным и парадоксальным, если мы будем продолжать игнорировать... взаимное отношение классов и взаимную классовую борьбу» (1, 88). В предисловии к третьему изданию сборника статей Н. Бельтова «За двадцать лет» (1908) автор еще более усиливает обобщающий характер выведенных им закономерностей социального детерминизма: «Особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда обуславливается свойственными ей общественными отношениями. Это как нельзя лучше показывает вся история искусства и литературы» (1, 129). На конкретных примерах отечественного и зарубежного искусства П. показывает, как сильные стороны художественного творчества и идейных воззрений писателей и др. деятелей культуры, равно как и слабости их мировоззрения и творчества, порождаются историческими условиями общественной жизни, которой они принадлежат.

Последовательный конкретный историзм в рассмотрении литературы и искусства, явившийся главным научным завоеванием П. — критика и эстетика, отнюдь не приводил его к историческому

фатализму. Диалектический подход к анализу, интерпретации и оценке художественного творчества позволял П. избегать вулгаризации и упрощения в своих выводах, в той или иной мере свойственных его младшим современникам и последователям в марксистской критике (Шулятникову, Фриче, Воровскому, Перверзеву и др.). П. не снимает ответственности за идейные ошибки и художественные просчеты с писателей, которые он с позиций высшей эстетической и идеологической требовательности отмечает у самых великих писателей (будь то Пушкин или Гоголь, Тургенев или Некрасов, Достоевский или Л. Толстой, Г. Успенский или М. Горький). В цикле статей «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909) П. с характерной для него бескомпромиссностью подчеркивал: «...Даже гениальные художники нередко совершенно бесполезны в области теории. За примерами ходить недалеко: Гоголь, Достоевский, Толстой, эти гиганты в области художественного творчества, обнаруживают детскую слабость каждый раз, когда берутся за тот или другой отвлеченный вопрос» (Избр. философ. произв. — Т. III. — С. 389—390). К числу таких гигантов-художников П. относит и М. Горького. Так, М. Горький, пожертвовав художественностью, занялся «чистой» публицистикой, посвятив на определенном этапе свой талант «богоискательству», отвлеченной моральной проповеди. Это было заметно, считает П., уже в его повести (романе) «Мать», где он «взял на себя роль проповедника социализма» (Там же. — С. 390). Еще в большей степени это проявилось в повести «Исповедь», где писатель выступает «в качестве проповедника «пятой религии» г. А. Луначарского» (Там же). Блестящая аналитическая характеристика противоречий М. Горького, данная П., многое объясняет в драматических коллизиях жизни и творчества М. Горького, в т. ч. и послеоктябрьского периода, свидетелем которого П. уже не мог быть.

Особенностью критического метода П., в этом отношении развивавшего традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Писарева, было обращение к литературе и критике как к объективному источнику социальных обобщений и прогнозов и — соответственно — приложение к этому источнику социологических выводов и философских дефиниций. В П. трудно отделить теоретика, философа и социолога от критика и публициста: и та и другая сторона его творчества слиты неразрывно. В таких фундаментальных трудах, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «Основные вопросы марксизма» (1908), «От идеализма к материализму» (1915), и др. П. находил место для рассмотрения эстетических и литературно-критических вопросов в связи с общесоциальными и взаимной «проекции» тех и других друг на друга.

Объективная, не зависящая от субъективных склонностей и убеждений отдельных личностей историческая значимость литературы и искусства, выступающих как зеркало и увеличительное стекло в отношении общественной жизни, была для П. велика и несомненна. Он утверждал: «...Художники самых противоположных направлений одинаково правы на свой особый лад... Все зависит от обстоятельств времени и места» (Искусство и литература.— С. 297). Впрочем, объективное, непредубежденное отношение П. к художникам противоположных направлений не мешало ему иметь свою четкую позицию, свою определенную оценку применительно к любым идейно-эстетическим явлениям своего времени.

Ум теоретика, воспитанный на диалектике Гегеля и Маркса, зрудиция ученого-энциклопедиста, соединившись с безукоризненным художественным вкусом и тонким эстетическим чутьем, нашли свое наиболее адекватное и органическое воплощение в литературно-критической и теоретико-эстетической деятельности П. В критике и эстетике заслуги П. как теоретика и практика наиболее бесспорны, его анализы и оценки сохраняют свою жизненность и точность до сих пор. Последовательный защитник реализма и остроумный критик декаданса, методолог социологического подхода к литературе и искусству и создатель первой истории отечественной литературы в связи с историей общественной мысли, П. оказал и продолжает оказывать мощное влияние на эстетиков, литературоведов и критиков самых разных направлений и школ.

Выступая как критик современной ему литературы, П. не переставал учиться у своих предшественников, последовательно изучая их наследие. Особенно показателен в этом отношении цикл из четырех статей «Судьбы русской критики» (1897), опубликованный впервые под псевдонимом *Н. Каменский* и затем трижды переиздававшийся в сборнике «За двадцать лет»: 1. «А. Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки»; 2. «Белинский и разумная действительность»; 3. «Литературные взгляды В. Г. Белинского»; 4. «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского». В этом цикле П. излагает свои взгляды на эстетику как науку. «Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний; она не говорит ему: ты должно держать таких-то и таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как *возникают* различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи. Она не провозглашает *вечных законов искусства*; она старается изучить *те вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие*» (1, 581).

Главная заслуга П.— создание марксистской материалистической эстетики. «Я глубоко убежден, что отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание

истории» (1, 31),— утверждал П. в первом из своих «Писем без адреса» (1899). Это и сделал П. в «Письмах без адреса», неопровержимо доказав существование общих закономерностей происхождения искусства в человеческом обществе, в частности, как источника искусства является труд (исторически предшествующий искусству), что возникновению эстетической точки зрения человека предшествовала точка зрения утилитарная. В «Предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет» (1908) П. развивал концепцию материалистической эстетики. «В качестве сторонника материалистического мировоззрения я скажу, что первая задача критика состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с *языка искусства на язык социологии*, чтобы найти то, что может быть названо *социологическим эквивалентом данного литературного явления*» (1, 123). «Вторым актом верной себе материалистической критики должно быть... оценка эстетических достоинств разбираемого произведения... *первый акт материалистической критики не только не устраняет надобности во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение*» (1, 129).

Формула материалистической критики П. была полемически заострена против точки зрения Белинского, который располагал «акты» критики в обратной последовательности. Для Белинского «определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики», поскольку, «когда произведение не выдержит эстетического разбора, оно уже не стоит исторической критики...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 284). Для П. высокая художественность произведений «искусства для искусства» не являлась определяющей назначенной искусству; на первый план у него выходило идейное содержание, социологический эквивалент искусства. Согласно исторической концепции П. это объяснимо: время диктовало критике в конце XIX — начале XX в. совсем иные требования к содержанию и форме искусства, нежели в 30—40 гг. XIX в. В общественной жизни, доказывал П., все исторично, изменчиво, в т. ч. и соотношения формы и содержания, последовательность «актов» критики.

Наиболее последовательно провел П. принцип историзма в своей работе «Искусство и общественная жизнь» (1912). Здесь он впервые показал, что появление «искусства для искусства» и «утилитарный взгляд на искусство, то есть склонность придавать его произведениям значение приговора о явлениях жизни» (1, 144), также историчны. «Искусство для искусства» возникает и пропагандируется «на почве безнадёжного разлада» художников «с окружающей их общественной средой». Напротив, утилитарный взгляд на художественное творчество утверждается там и тогда, «где есть взаимное сочувствие между значительной частью общества и людьми, более или менее

деятельно интересующимися художественным творчеством» (Там же.— С. 144).

П. предполагает, что существует «возможность злоупотребления методом материалистической критики» (1, 129) на почве схематичного и догматического усвоения ее принципов, на почве недооценки или непонимания принципа конкретного историзма. К сожалению, этот прогноз П. подтвердился: уже в дооктябрьской марксистской критике, а еще более заметно в 20 и 30 гг. плехановская концепция была примитивизирована, схематизирована, канонизирована; возникло явление «вульгарного социологизма» в критике и литературоведении, до сих пор дающее о себе знать в советской культуре. Стремясь предупредить попытки прямолинейно переносить социально-экономические отношения на литературу и искусство, П. еще в 1896 г. в «Очерках по истории материализма» сформулировал принципы материалистического понимания истории (т. н. «пятичленная формула»). *«Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способности, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием»*, — таковы пять «членов ряда», связанных между собой причинными отношениями (Избр. философ. произв.— Т. II.— С. 171). Любая попытка «перескочить» тот или иной «ряд» неизбежно ведет к грубым передержкам и искажениям. Многие «наследники» П. этого так и не поняли.

Жизнь и политическая деятельность П., особенно в последние полтора десятилетия его жизни, были полны противоречий. Он стоит у истоков революционного марксизма в России и является одним из основателей Российской социал-демократической партии, он создает первый проект партийной программы, высоко оцененный В. И. Лениным, пишет теоретические труды, по праву ставшие классикой марксизма, но он же оказывается в лагере меньшевиков после II съезда РСДРП и возглавляет многие годы фракционную борьбу против большевизма. Вместе с Лениным он создает «Искру», борется за оппортунизм и ревизионизм, с махистами и богоискателями, отзовистами и лживидаторами, но он же резко полемизирует с Лениным и др. большевиками чуть ли не по всем важнейшим вопросам революционной стратегии и тактики; опираясь на свой авторитет, он пытается сплотить на своей платформе социал-демократические силы России, увлекая их в сторону от революционно-практических задач борьбы. Пролетарский интернационалист, непримиримый враг любого национализма и шовинизма, П. с началом первой мировой войны занял позицию «оборонцев» и вместе с ненави-

димыми им октябристами, кадетами, эсерами, черносотенцами выступал за «войну до победного конца» в империалистической войне как выполнение патриотического долга, за объединение пролетариата с буржуазией для решения общих задач. Человек, так много сделавший для наступления социализма в родной стране, последовательный марксист и революционер, он не понял роли пролетариата в первой русской революции, а Октябрьскую революцию считал преждевременной, диктатуру пролетариата — неосуществимой в условиях крестьянской страны. 15(31) августа 1917 г. П., выступая на Всероссийском государственном совещании в Москве, призвал страну к классовому миру, уподобившись тем самым Л. Толстому-проповеднику, которого сам же осудил за это в цикле своих статей о Толстом (1907—1911). Эти противоречия и ошибки П. тяжким бременем легли на его политическую репутацию и общественную деятельность последних лет; однако они почти не отразились в фундаментальных философских трудах П., его работах по эстетике, теории и истории литературы, в его литературно-художественной критике, подготовивших собой следующий, ленинский этап в развитии марксистской эстетики и критики.

«Статьи Плеханова превосходны», — писал Ф. Энгельс в письме К. Каутскому 3 декабря 1891 г., когда П. только еще становился теоретиком марксизма (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 38.— С. 205). Ленин считал большую часть из написанного П.-теоретиком «лучшим во всей международной литературе марксизма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 290). «...Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии...» — писал Ленин в работе «Еще раз о профсоюзях» в 1921 г., через два с половиной года после смерти П. (Там же).

До последнего дня жизни П. продолжал жить напряженной духовной жизнью. Он работал над «Историей русской общественной мысли», оставшейся незавершенной (последние главы вышли в свет уже после кончины П.), писал статьи в оппозиционную большевикам газету «Единство» (в одной из них он предсказал возможность установления в России после Октября режима личной диктатуры и культа личности).

П. мужественно готовился к наступающей смерти, вспоминая слова Шелли о том, что смерть для материалиста — это слияние с природой. Согласно последней воле П. он был похоронен на Волковом кладбище в Петрограде, недалеко от могилы Белинского. «Месяца за три до кончины, — вспоминала ученица П. Л. И. Аксельрод (Ортодокс), — когда Георгий Валентинович, по-видимому, подводил общие итоги своей жизни и деятельности, он с глубоким сожалением раз заметил, что как-то не удалось использовать весь накопленный материал по вопросам искусства

и довести до конца задуманный труд», посвященный философии искусства (с точки зрения материалистического понимания истории) (Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания.— Л., 1925.— С. 34). И хотя главный труд жизни, о котором П. мечтал, ему не удалось создать, именно трудам П. по эстетике, литературе, искусству, его литературно-критическим статьям принадлежало большое будущее в истории уже советской эстетической и литературно-критической мысли.

Соч.: Собр. соч.: В 24 т.— М.; Л., 1923—1927; История русской общественной мысли: В 3 т.— М.; Л., 1925; Литература и критика.— М., 1922; Искусство. Сб. ст. / Вступ. ст. Л. Аксельрод-Ортодокс и В. Фриче.— М., 1922; Литературное наследие Г. В. Плеханова.— М., 1934—1940.— Кн. 1—8; Искусство и литература / Вступ. ст. М. Розенталя.— М., 1948; Письма без адреса / После сл. У. Гуральника.— М., 1956; Избр. философ. произв.: В 5 т.— М., 1956—1958; Литература и эстетика: В 2 т. / Вступ. ст. В. Бурсова.— М., 1958; Эстетика и социология искусства: В 2 т. / Вступ. ст. М. Лишица.— М., 1978; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. / Вступ. ст. М. Иовчука.— М., 1973—1974; История в слове. / Вступ. ст. С. С. Волка.— М., 1988.

Лит.: Рязанов Д. Б. Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда».— М., 1919; Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии.— М., 1922.— Вып. 1; Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов.— М., 1923; Заславский Д. О. Г. В. Плеханов.— Пг.; М., 1923; Аптекман О. В. Георгий Валентинович Плеханов: Из личных воспоминаний.— Л., 1924; Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания.— Л., 1925; Андруцкий А. Я. Эстетика Плеханова.— Л., 1929; Щукин С. Е. Две критики: Плеханов — Переврзев.— М., 1930; Франкфурт Ю. В. Плеханов и методология психологии.— М.; Л., 1930; Розенталь М. М. Вопросы эстетики Плеханова.— М., 1939; Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова.— М., 1955; Трофимов П. С. Эстетические взгляды Г. В. Плеханова.— М., 1956; Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в.— М., 1957; Бельчиков Н. Ф. Г. В. Плеханов — литературный критик.— М., 1958; Бурсов Б. И. Плеханов // История русской критики: В 2 т.— М.; Л., 1958.— Т. II; Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии.— М., 1960; Чагин Б. А. Защита, обоснование и развитие Г. В. Плехановым марксистской философии.— Л., 1957; Он же Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии.— М.; Л., 1963; Николаев П. А. Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова.— М., 1968; Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России).— М., 1969; Николаев П. А. Возникновение марксистского литературоведения в России.— М., 1970; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов.— М., 1973 («Выдающиеся мыслители-марксисты»; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов.— М., 1977; Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма.— Л., 1977; Лишица Мих. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов.— М., 1983.

И. В. Кондаков

ПЛЕЩЕЕВ, Алексей Николаевич [22.XI (4.XII). 1825, Кострома — 26.IX (8.X). 1893, Париж; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище] — поэт, переводчик, прозаик, литературный и театральный критик. Родился в семье небогатого провинциального чиновника, представителя старинного дворянского рода. Детство поэта прошло в Нижнем Новгороде, где с 1827 г. служил его отец, скончавшийся, когда П. был еще ребенком. Его воспитанием занималась мать, Елена Алек-

сандровна (урожденная Горскина), давшая сыну хорошее домашнее образование, продолженное им в Петербурге (куда он переселился вместе с матерью в 1839 г.) в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (поступил в 1840 г.). Однако царившая там атмосфера угнетала, военная карьера его не привлекала, и в 1842 г. он покинул училище (уволен по болезни), а осенью 1843 г. поступил в Петербургский университет, на восточное отделение историко-филологического факультета. В студенческие годы значительно расширился круг знакомств П. (он посещал салон Майковых, был вхож в дом П. А. Плетнева, бывал у А. А. Краевского) и определилась сфера его интересов: литературные и театральные увлечения сочетались с обращением к истории и политической экономии, что объяснялось, вероятно, влиянием М. В. Буташевича-Петрашевского и его друзей, со многими из которых П. познакомился в годы учебы, особенно сблизившись в дальнейшем с С. Ф. Дуровым, А. И. Пальмом, Ф. М. Достоевским, Н. А. Спешневым.

Социалистические идеи петрашевцев увлекли П.; разделяя их пропагандистские устремления, он совместно с Н. А. Мордвиновым готовил перевод книги французского публициста, идеолога утопического социализма, Ф. Ламенне «Слово верующего», намереваясь отпечатать ее в тайной типографии. В 1845 г., не окончив курса, П. вышел из университета, но не прерывал контактов с единомышленниками, их встречи неоднократно бывали в его доме.

К тому времени уже проявилось его поэтическое дарование (первые оригинальные стихотворения П. были напечатаны в нач. 1844 г. в «Современнике»), и в кругу петрашевцев он воспринимался как поэт-борец, свой Андре Шенье (см.: Петрашевцы в воспоминаниях современников.— М.; Л., 1926.— [Т. I].— С. 52, 195). Ранняя лирика П. действительно окрашена идеями социалистического утопизма. Традиционные романтические мотивы разочарования, одиночества, тоски осмыслены как реакция на социальное неблагополучие и неотделимы от темы «святого страдания» лирического героя: тревога, «мрачный дух сомненья» мотивированы «бедствиями <...> страны <...> родной», «муками братьев», а конфликт с толпой, «живущей мыслями отцов», — мечтой лирического героя быть «гонимых утешителем», возвестить «мшенья грозный час / Тому, кто в тине зла и праздности погряз» («Сон», «Страник», «На зов друзей»). Гуманистический пафос лирики П. сочетался с характерным для настроений утопистов пророческим тоном, питавшимся надеждой «увидеть вечный идеал»: «Но будет время... пронесутся / Дни бедствий, горя и тревог; / Жрецы Ваала ужаснутся, / Когда восстанет правды бог! / Навеки в мире водворится / Священной истины закон...» («Поэту», <1846>). Вера в возможность гармоничного мироустройства, ожидание скорых перемен выра-